

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1294–1324.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 5, no. 4 (2021): 1294–1324.

Научная статья

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-6>

Поляки в Архангельской ссылке в годы Второй мировой войны (на материалах спецпоселков Уйма и Косково)

Михаил Николаевич Супрун✉

Северный (Арктический) Федеральный Университет
имени М.В. Ломоносова,

Архангельск, Россия,
suprun.ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>

Mikhail N. Suprun✉

Northern (Arctic) Federal University

named after M. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
suprun.ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>

Алёна Игоревна Герасимова

Северный (Арктический) Федеральный Университет
имени М.В. Ломоносова,

Архангельск, Россия,
gerasimova.a@edu.narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2310-7244>

Alena I. Gerasimova

Northern (Arctic) Federal University

named after M. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
gerasimova.a@edu.narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2310-7244>

Аннотация. После начала Второй мировой войны восточные территории Польши были заняты советскими войсками (с переносом далеко на Запад новой советско-польской границы). Почти 320 тысяч арестованных польских граждан, проживавших на этих территориях, были отправлены в лагеря и спецпоселки отдаленных районов СССР. Из них почти 58 тысяч были депортированы в Архангельскую область. В данной статье на материалах двух спецпоселков Приморского района Архангельской области прослеживается процесс депортации польских граждан, условия их размещения, труда, их правовое положение и репатриация. Авторами предпринята попытка выделить социальные группы и

© Супрун М.Н., Герасимова А.И., 2021

© Suprun M., Gerasimova A., 2021

установить половозрастной состав депортированных, проследить процесс их адаптации в новых условиях, эффективность их труда, а также особенности применения амнистии и репатриации. По результатам проведенного исследования авторы пришли к выводу, что условия в изучаемых спецпоселках были таковы, что смертность среди польских переселенцев в них в первую же зиму составила почти 10 %, несмотря на территориальную близость этих поселков к областному центру. Из оставшихся в живых к работе в лесу могли быть привлечены лишь 20 % мужчин трудоспособного возраста. Остальной контингент ссыльных состоял из женщин и детей, более половины из которых (47 %) были в возрасте до 14 лет. В нарушение законодательства из этого числа можно было направить на работу еще 15–20 %, но в любом случае эффективность труда таких работников была минимальной. Положение усугубляло отсутствие нормальных условий труда и быта, что влекло за собой высокий уровень заболеваемости и как следствие – невыходов на работу. Такой контингент становился обременительным для леспромхозов. Труд спецпоселенцев даже при самой низкой зарплате оставался нерентабельным. Между тем и после амнистии 1941 года органы власти делали все для того, чтобы удержать спецпоселенцев в СССР. Авторы объясняют данный факт попыткой сделать граждан Польши заложниками в разрешении «польского вопроса», т.е. признания Западом и польским лондонским правительством новой советско-польской границы. И как только была достигнута договоренность с союзниками о западной границе СССР и спецпоселенцы получили возможность покинуть страну, ни один польский гражданин не пожелал остаться в Советском Союзе. Все они поспешили выехать из СССР.

Ключевые слова: Вторая мировая война, депортация польских граждан, Архангельская область, социальная история спецпоселков «осадников» и «лесников»

Для цитирования: Супрун М.Н., Герасимова А.И. Поляки в Архангельской ссылке в годы Второй мировой войны (на материалах спецпоселков Уйма и Косково) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1294–1324.
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-6>

Poles in the Arkhangelsk exile during the Second World War (a case study of the special settlements of Uima and Koskovo)

Abstract. After the outbreak of the Second World War, the eastern territories of Poland were occupied by the Soviet troops (and the new Soviet-Polish border was removed far to the West). Almost 320 thousand Polish citizens who resided in these territories were arrested and sent to the camps and special settlements in the remote regions of the USSR. Of them, almost 58 thousand people were deported to Arkhangelsk Oblast. Based on the materials of two special settlements of Primorsky Raion of Arkhangelsk Oblast, this article considers the process of deportation of Polish citizens, the conditions of their accommodation and labor, their legal status, and repatriation. The authors made an attempt to identify social groups, establish the sex and age composition of the deportees, describe the process of their adaptation to the new conditions and labor efficiency, and point out the peculiarities of the application of amnesty and repatriation. According to the results of the study, the authors came to the conclusion that the conditions in the special settlements under study were such that the death rate among Polish settlers there in the first winter was almost 10% despite the territorial proximity of these settlements to the regional center. Of the survivors, only 20% of working-age men could be involved in the work in the forest. The rest of the exiles

consisted of women and children, more than half of whom (47%) were children under the age of 14. In violation of the law, another 15–20% of this number could be sent to work, but in any case, the labor efficiency of such workers was minimal. The situation was aggravated by the lack of normal working and living conditions, which entailed high disease incidence and, as a result, absence from work. Such a contingent became burdensome for logging enterprises. Even with the lowest wages, special settlers' labor was unprofitable. Meanwhile, even after the 1941 amnesty, the authorities did everything they could to keep the special settlers in the USSR. The authors explain this fact by an attempt to make Polish citizens hostages in resolving the "Polish issue," i.e. recognition of the new Soviet-Polish border by the West and the Polish Government-in-Exile in London. As soon as an agreement with the allies on the western border of the USSR was reached and the special settlers got an opportunity to leave the USSR, there was no single Polish citizen who wanted to stay in the Soviet Union, and all of them hastened to leave for their homeland.

Key words: Second World War, deportation of Polish citizens, Arkhangelsk Oblast, social history of the special settlements of osadniks and foresters

For citation: M.N. Suprun, and A.I. Gerasimova, "Poles in the Arkhangelsk exile during the Second World War (a case study of the special settlements of Uima and Koskovo)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1294–1324, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-6>

Введение

История советско-польских отношений в годы Второй мировой войны является одной из наиболее дискуссионных, а потому крайне актуальных проблем в отечественной и зарубежной историографии. Для исследования этой и близких к ней тем были созданы «Комиссия историков России и Польши» (1965 г.), специальная комиссия по изучению «белых пятен» (1987–1990 гг.) и группа по изучению «трудных вопросов» в истории наших стран (2002 г.). Большое внимание данной проблематике уделяют межгосударственный «Российско-польский центр диалога и согласия» и польская общественная организация «Karta»¹. По обсуждаемой проблематике написаны десятки монографий, тома воспоминаний и справочников².

Одним из малоисследованных сюжетов российско-польской истории XX века является судьба польских граждан, депортированных в военные годы в удаленные районы Советского Союза, включая его Европейский Север. Истории изучения пребывания поляков на Севере СССР в годы войны посвящены книги и статьи Т.Е. Васильченко, Н.В. Упадышева, А.Э. Гурьянова,

¹ Кэндзёра С.Э. Комиссия историков России и Польши в конце XX – начале XXI века: сохранение традиций и новые горизонты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 92–96.

² Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия». URL: <http://rospolcentr.ru/> (дата обращения: 01.05.2021); Fundacja Ośrodka KARTA. URL: <https://karta.org.pl/> (дата обращения: 01.05.2021).

М.Н. Супруна, В.А. Митина, Т.Ф. Мельник, Н.М. Игнатовой, А.Л. Кузьминых, С.И. Старостина³; польских историков: Станислава Цесельского, Вуйщеха Матерского, Альбина Гловацкого, Кшистофа Ясевича⁴. Значительная часть статей этих авторов была опубликована в альманахе «Каторга и ссылка на Севере России», а также в комментариях к многотомному изданию серии «Индекс репрессированных...» («Index Represiowanych...»), содержащему

³ Каторга и ссылка на Севере России. Материалы и исследования. Т. 4: Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и депатриации (1939–1946 гг.) / под редакцией М.Н. Супруна. Архангельск: КИРА, 2010; Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Архангельск: Поморский университет им. М.В. Ломоносова, 2004; Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Архангельской, Кировской областях и Коми АССР в 1940–1941 гг. // Каторга и ссылка на Севере России. Материалы и исследования. Том 1: Польская ссылка: сборник статей / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 128–145; Супрун М.Н. Поляки на Русском Севере в годы Второй мировой войны (1939–1945): репрессии, плен, спецпоселения // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (34). С. 41–58; Митин В.А. Судьба польских граждан, депортированных в Архангельскую область в 1940 г. // Каторга и ссылка на Севере России. Т. 1: Польская ссылка / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 146–154; Мельник Т.Ф. Польские осадники на Пинежье. Чернецкие в Пачихе // Каторга и ссылка на Севере России. Т. 1. Польская ссылка / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 200–233; Игнатова Н.М. Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950 гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции (Москва, 28–29 октября 2011 г.) / ответственные редакторы Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2013. С. 433–449; Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е годы. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2009; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда: Древности Севера, 2014; Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317.

⁴ Ciesielski S. Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich. Ośrodek Karta, 2002; Ciesielski S. Terror na co dzień. Polityka represyjna w ZSRR 1945–1953. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015; Materski W. Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2009; Glowacki A. Przemieszczenie obywateli polskich w Związkku Radzieckim w 1944 roku. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1989; Glowacki A. Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994; Glowacki A. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997; Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce, 1939–1941. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2002.

списки расстрелянных и депортированных в Россию польских граждан из различных областей Польши, вошедших в 1939 году в состав СССР⁵. Седьмая часть 14-го тома последнего издания со списком имен более чем 1 100 осадников, лесников и небольшого количества беженцев⁶, высланных в северные поселки Уйма и Косково, стала основой для этой публикации⁷. Опора на данный том и иные списки «Индекса ...» позволяют вести исследования на микроуровне, в том числе в рамках социальной истории, включая историю повседневности, гендерную историю, историю отдельных населенных пунктов. Именно по этому пути и пошли авторы публикации, впервые предприняв попытку исследовать судьбу ссыльных двух северных спецпоселков. Данное обстоятельство во многом определяет новизну исследования. Выбор именно этих двух спецпоселков изо всех 129, где на территории области были размещены польские граждане, объясняется их максимальной близостью к областному центру, а потому – сравнительно более комфортными условиями пребывания в них поселенцев.

Основная часть

23 августа 1939 г. в Москве был подписан пакт Молотова–Риббентропа. К нему прилагались секретные протоколы, предполагавшие разделение сфер влияния в Европе между Германией и Советским Союзом. Согласно основному протоколу «граница между сферами влияния Германии и СССР должна проходить примерно по линии рек Нарева, Вислы и Сана»⁸. Это означало, что значительная часть Восточной Польши должна была стать частью Советского Союза. Именно это и произошло в начале Второй мировой войны. Территории,

⁵ Каторга и ссылка на Севере России: сборник статей: в 4 т. / составитель и научный редактор М.Н. Супрун и другие. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова; КИРА, 2004–2010; Indeks Represjonowanych. Toma I–XXI. Warszawa, Ośrodek KARTA, 1995–2013. Издаваемая в Варшаве с 1995 года многотомная серия Indeks Represjonowanych включает поименные списки польских граждан, депортированных в различные районы СССР в 1939–1941 гг.

⁶ Осадники – бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие в 1920-х – 30-х годах землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. Лесники – служащие охраны леса (как правило, эти должности в Западной Беларуси занимали поляки). Беженцы – польские граждане еврейского происхождения, бежавшие в СССР от нацистского террора.

⁷ Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7. Alfabetyczny wykaz 7680 obywateli polskich wywiezionych w 1940 roku z obwodu rowienskiego, tarnopolskiego, stanislawskiego, i drogobyczkiego oraz bez ustalonego obwodu wywoski / составители Э. Рыбарска, и др. Warszawa: Osrodek KARTA, 2007.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. 1939. В 2 кн. Кн. 2. Сентябрь–декабрь / под редакцией Н.В. Глазунова. Москва: Международные отношения, 1992. С. 134.

занятые в сентябре 1939 г. и ставшие «Западной Украиной и Западной Белоруссией», подлежали советизации, то есть переходу их населения под советскую юрисдикцию, а нелояльное население, к которым, безусловно, относились осадники и лесники – депортации вглубь страны.

Депортация польских граждан осуществлялась на основании принятой в 1939 г. директивы Совета народных комиссаров СССР «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии» и разработанных на ее основе «Инструкции о выселении осадников из западных областей УССР и БССР»⁹, а также «Положения о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР»¹⁰. Всего в 1940–1941 гг. вглубь СССР с указанных территорий было выселено 320 тысяч человек. Из них только в Архангельской области оказалось 58 тысяч осадников, лесников и беженцев¹¹. Концентрация такого количества переселенцев в регионе объяснялась во многом потребностью лесной отрасли в не требующей высокой квалификации рабочей силе, а также сложившейся на Севере инфраструктурой.

В 1939 г. на территории Архангельской области, называемой часто в силу ее экономической специализации «всесоюзной лесопилкой», находились 11 заготовительных и 4 сплавных треста с 40 леспромхозами, 220 лесопунктами, сотней сплавных контор, в которых было занято несколько десятков тысяч человек. В сезон лесосплава потребность в рабочих удваивалась или утраивалась. Только по лесным трестам в 1938 г. дефицит рабочих рук составлял 21 375 человек¹². Поэтому руководство треста Главсевлес, контролировавшего деятельность лесной отрасли в регионе, с нетерпением ожидало прибытия нового «контингента». 29 ноября 1939 г. оно разоспало на места письмо (№ 53–547) с инструкциями по встрече поселенцев. Согласно документу начальники отделений должны были подготовить обособленно стоящие поселки, рассчитанные на проживание от сотни до двух сотен семей, из расчета 3 кв. метра жилплощади на человека. Руководители отделений

⁹ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступительная статья и составление Н. Бугай. Москва: Дружба народов, 1992. С. 23.

¹⁰ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». С. 24.

¹¹ Васильченко Т.Е. Депортация польских граждан из западных областей УССР и БССР на Европейский Север (февраль 1940 – 22 июня 1941 годов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2008. № 2. С. 6.

¹² Митин В.А. Судьба польских граждан, депортированных в Архангельскую область в 1940 г. С. 148.

должны были организовать встречу поселенцев на железнодорожной станции, предоставить транспорт для перевозки в спецпоселки, а также обеспечить людей горячей пищей и теплой одеждой¹³. В Наркомлесе знали о том, что этому «особому контингенту» давалось на сборы лишь 24 часа, что их багаж был строго ограничен, а потому без горячей пищи, теплой одежды и обуви в условиях приполярной зимы они уже при перевозке к месту назначения были обречены на смерть.

Между тем сводки НКВД с мест указывают на прямой отказ со стороны леспромхозов в силу разных, главным образом объективных, причин предоставлять транспорт. Поэтому зачастую многодневный переход от железнодорожных станций до спецпоселков сопровождался большими человеческими трагедиями вплоть до удушения родителями детей по пути следования к месту ссылки¹⁴.

Но и сами поселки оказались не готовыми к приему «спецконтингента». Наркомлес в конце 1939 г. выделил деньги на обустройство таких поселков, однако ко времени прибытия «контингента» в январе 1940 г. (то есть за два–три месяца!), эти деньги явно не успевали «освоить». Поэтому для размещения депортированных приходилось либо подселять их в дома местных жителей, либо расселять в местах поселения «кулаков», высланных сюда еще в начале коллективизации (переведя предварительно тех, кто еще остался, в другие места), а зачастую – «в чистом поле», в насконо вырытых землянках. Обычно «спецпоселки» заполняли по месту комплектования эшелонов и по графику их прибытия. Если эшелон формировался на территории определенного воеводства Восточной Польши и состоял из осадников, то выгружался и расселялся как поселок осадников – выходцев из определенной губернии. Если по мере продвижения эшелона он наполнялся лесниками или беженцами из другого региона, то и спецпоселки «разбавлялись» соответствующим «контингентом».

На территории современного Приморского района Архангельской области, составлявшего по сути окраины областного центра, в 1940 г. были организованы два спецпоселка, хорошо известные в наши дни: Уйма и Косково. Поселок Уйма располагался в 17 километрах от Архангельска и административно относился к Первомайскому району города. В 1940 г. сюда были доставлены 618 спецпереселенцев¹⁵: 446 (или 72,2 %) из них составляли жители Пинской области, 151 (24,4 %) – представители Волыни, 11 человек

¹³ Васильченко Т.Е. Польские спецпереселенцы в Архангельской области в годы второй мировой войны // Каторга и ссылка на Севере России. Т. 2 / редколлегия: М.Н. Супрун, Р.А. Ханталин, С.О. Шаляпин. Архангельск: КИРА, 2006. С. 141.

¹⁴ Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР. С. 66.

¹⁵ 11 детей родились уже в ссылке.

(1,8 %) – из Ровенской и 10 (1,6 %) – из Брестской областей. Мужчин трудоспособного возраста (18–60 лет) среди них было лишь 110 человек (или 17,5 %), женщин той же возрастной категории – 121 (19,3 %), 47 юношей и девушек (7,5 %) трудоспособного возраста (15–17 лет); остальные – подростки в возрасте от 8 до 14 лет (182 человека или 28,9 %), дети до 7 лет (150 человек или 23,8 %) и старики (старше 60 лет) – 19 человек (3 %)¹⁶.

Подобный половозрастной состав наблюдался и среди доставленных в спецпоселок Косково. Этот поселок, ныне входящий в Приморский район, в те годы был в составе Холмогорского района, а потому все обитатели поселка оказались в подчинении коменданта районной комендатуры села Холмогоры, что в 32 км от поселка. До ближайшего сельсовета, расположенного в деревне Косково, тоже было неблизко – 19 километров. Такое же расстояние надо было преодолеть, чтобы добраться до лесопункта в деревне Вайново, где находилась ближайшая пристань на Северной Двине и куда надлежало доставлять лес для сплава в Архангельск.

Большинство из 516 спецпоселенцев Косково составляли жители Пинской (385 человек или 73,4 %) и Брестской (130 человек или 24,8 %) областей. Среди них случайно оказался один уроженец Тарнополя. Кроме того, 8 детей родились в ссылке¹⁷.

Четверть из доставленных на поселение в Косково составляли 133 женщины в возрасте от 18 до 60 лет. Другую четверть – 130 подростков от 8 до 14 лет (24,8 %). Формально для работ на лесоповале из прибывших в спецпоселок можно было привлечь 123 (23,4 %) мужчин в возрасте от 18 до 60 лет и 42 (или 8,3 %) юношей 15–17 лет, поскольку оставшиеся из доставленных были дети (до 7 лет) 15,4 % (81 чел.) и старики (старше 60 лет) – 2,7 % (15 человек)¹⁸. В этой связи возникает вопрос о хозяйственной целесообразности такой депортации. Даже при наличии детских учреждений, которые могли бы высвободить часть женщин на работы, из общего числа прибывших считать трудоспособными можно не более 50 %. Рентабельность труда в таком случае можно было поддерживать лишь нищенской зарплатой и минимальными расходами на содержание спецпоселков, что во многом и определяло повседневную жизнь поселенцев.

Несмотря на инструкции Наркомлеса, осадников расселяли по 15–20 семей, или по 60–80 человек в одном бараке. При такой скученности не было

¹⁶ Подсчитано по: Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7.

¹⁷ Подсчитано по: Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7.

¹⁸ Подсчитано по: Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7.

возможности установить койку на каждого человека. В отсутствии столов и табуретов людям приходилось принимать пищу, сидя на нарах, чаще всего в темноте. Освещения не было из-за нехватки керосиновых ламп, а световой день зимой на Севере длится всего несколько часов¹⁹. Не во всех поселках имелись баня и торговая точка. В период заселения спецпереселенцев практически везде отсутствовали детские сады, школы, не говоря уже о медпунктах.

В каждый спецпоселок районными комендатурами НКВД назначался комендант, отвечавший за порядок, режим труда и отдыха поселенцев. Он был самым главным человеком в «месте водворения». В его обязанности входили учет поселенцев, оформление документов, предотвращение побегов, – то же, что делал урядник в отношении ссыльных в дореволюционной России. Но в отличие от полицейских участков, советские комендатуры содержались за счет удержания 10 % заработка спецпереселенцев. Кроме того, за нарушение правил внутреннего распорядка поселка комендант мог наложить до 50 рублей штрафа, что составляло почти половину месячной зарплаты работника. При невозможности оплатить штраф поселенец мог быть подвергнут аресту до 10 суток. За более серьезные нарушения (отлучка, повторяющиеся опоздания на работу, неподчинение начальству) комендант мог отправить провинившегося на самые тяжелые исправительно-трудовые работы сроком на три месяца с удержанием 10 % заработной платы²⁰.

Нечеловеческие бытовые условия сопровождались тяжелым и плохо оплачиваемым трудом. Неожиданное появление в леспромхозах огромного количества работников создало на местах проблемы с инструментом, транспортом, спецодеждой. По данным производственных проверок, на 17 апреля 1940 г., то есть уже спустя три месяца после прибытия спецконтингента, на предприятиях «Двиносплав», «Двинолес» и «Котласлес» на бригаду в 20 человек выдавалось по 4 пилы и 8 топоров, как правило, неисправных, что повышало травмоопасность. До делянок работники добирались пешком 5–10 км. Готовые бревна вручную грузили на возы и на лошадях перевозили на берег реки для сплава²¹.

Помимо лесозаготовок, ссыльные поляки привлекались к сельскохработам или трудились на ближайших от поселка предприятиях²². Так, в спецпоселке Уйма ссыльные работали на керамическом заводе, в колхозах «8 Марта»,

¹⁹ Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 24.

²⁰ Васильченко Т.Е. Польские спецпереселенцы в Архангельской области. С. 144.

²¹ Васильченко Т.Е. Польские спецпереселенцы в Архангельской области. С. 145.

²² Докладные записки и переписка о работе Северной опытной станции механизации лесозаготовок, о положении тракторных баз и работе тракторов на лесозаготовках // Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

«Животновод», «Красная заря». Жительница поселка Уйма Ольга Павловна Агафонова вспоминает:

Помню, как летом ссыльных поляков под конвоем водили на работу на сенокос. Моя мама тоже работала на сенокосе. Я, будучи маленькой девчушкой, тоже была с мамой. Мы слышали иностранную речь поляков, по-русски они говорили плохо. Часто просили еду у местных женщин. Женщины их сторонились, и нам, детям, не разрешали к ним подходить²³.

Заработка осадника в Архангельской области в 1941 году составляла около 120–156 рублей в месяц. Но и ее зачастую не выплачивали. В спецпоселке Уйма на 8 апреля 1941 года задолженность по зарплате составляла 80 тысяч рублей. Чтобы не дать людям умереть с голоду, им выдавали мизерные авансы от 50 копеек до 3 рублей. Иногда вместо денег давали продукты питания²⁴. В воспоминаниях спецпереселенцев отмечается, что чувство голода было постоянным. Янина Чайка-Корсунь вспоминает:

Свирипствовал страшный голод. Мать с отцом работали, трое старших детей отправлялись просить подаяние²⁵.

Отношение к спецпереселенцам жителей Архангельской области было разным: кто-то жалел, помогал им, другие старались обходить их стороной, боясь наказания со стороны властей, запрещавших оказывать полякам какую-либо помощь. Тем не менее, большая часть поляков вспоминает добное отношение к ним простых северян, как, например, спецпереселенка деревни Косково (Вайново) А. Зыбайло: «Запомнила добрую хозяйку, очень теплый дом, самовар и пищу на одном из ночлегов»²⁶.

Жительница деревни Косково в интервью так передала детские впечатления своего мужа:

Муж мне рассказывал, как на ночевку в их дом приводили поляков группами по 3–5 человек. У них дом был большой, поэтому на задний двор ставили еще лошадей. Полякам на ужин давали буханку хлеба, но она настолько была черствая и замерзшая, что распиливали на кусочки ножовкой. Хоть им и было запрещено помогать, но специально грели для них самовар и подкармливали.

²³ Интервью с Агафоновой Ольгой Павловной (1934 г.р.), записано в п. Уйма 26 января 2019 г. Личный архив А.И. Герасимовой, файл № 5. 0:22–1:58.

²⁴ Мельник Т.Ф. Польские осадники на Пинежье. Чернецкие в Пачихе. С. 206.

²⁵ Цит. по: Митин В.А. Судьба польских граждан, депортированных в Архангельскую область в 1940 г. С. 149.

²⁶ Цит. по: Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР. С. 184.

Григорий (муж) говорил мне, что, когда он был маленьким, их загоняли на полати, а спецпереселенцев клали на пол в большой комнате. Утром их заставляли идти на реку и расчищать снег для того, чтобы перейти на другой берег²⁷.

Дом в д. Косково, в котором останавливались поляки. Фото 1917 г.

Источник: Личный архив А.И. Герасимовой

Заработной платы спецпереселенцам-осадникам явно не хватало, поэтому многие уклонялись от работы на лесозаготовках ради сохранения сил. Для них это было важнее, чем стремление больше заработать. Самую большую группу среди депортированных поляков, привлеченных к уголовной ответственности в Архангельской области, составили осужденные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. за прогулы и отказ от работы, а также за спекуляцию и антисоветскую агитацию. Если за прогулы спецпоселенцы обычно отдельывались штрафными работами, то «за спекуляцию» и «антисоветскую пропаганду» им грозил уголовный срок. Только за первый год ссылки в Уйме за спекуляцию показательно были арестованы четверо поселенцев (ст. 107 УК РСФСР) и трое – по ст. 58–10 УК РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация). Из Косково четверых поляков отправили на 8 лет в лагеря по 58-й статье УК РСФСР²⁸.

²⁷ Интервью с Вешняковой Валентиной Николаевной (1947 г.р.), записано в г. Архангельске, 29 марта 2021 г. Личный архив А.И. Герасимовой, файл № 7.

²⁸ Подсчитано по: Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7.

Некоторые спецпереселенцы решались на побег. За 1940 г. и первую половину 1941 г. в Архангельской области бежали 38 осадников. С 1 октября 1940 г. по 30 июня 1941 г. из мест поселения скрылось 43 «беженца». Из тех, кому удалось выжить, 19 были задержаны, а 7 человек вернулись добровольно. Некоторые из беглецов были возвращены обратно в спецпоселения и отделались арестом на несколько суток, но большинство были осуждены Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 82–2 УК РСФСР (побег с места обязательного поселения) на 3–5 лет лишения свободы в ИТЛ²⁹.

В силу сезонного характера работ на лесозаготовках поселенцев зачастую перебрасывали на ближайшие предприятия. С началом сплавного сезона 1941 г. спецпереселенцы Косково были переведены в Бобровскую запань и в лесной поселок Вайново. В условиях штурмовщины трудовая повинность распространялась на всех, включая стариков и детей. Дети носили воду с реки, поддерживали чистоту в жилых помещениях, стирали одежду, топили лагерную баню и бараки, укладывали дровяные чурки на пилораме, обрубали ветви и молодую поросль, о чем пишет в своих воспоминаниях Т. Шиманский³⁰.

Пребывание польских граждан на поселении в Архангельской области закончилось их формальным освобождением по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР»³¹. На момент амнистии в Архангельской области проживало 57 094 польских спецпереселенца (46 793 осадника или лесника и 10 301 беженец)³². В соответствии с указом из спецпоселков Архангельской области было освобождено 44 486 польских граждан³³. Остальные до амнистии или не дожили, или, как докладывал Л.П. Берия И.В. Сталину, были «задержаны до особого указания»³⁴. В категорию задержанных попадали, как правило, подследственные или осужденные во время ссылки «эвакополяки», а также насильственно записанные в категорию «граждан СССР с 1939 г.», включая обитателей Уймы и Косково.

²⁹ Васильченко Т.Е. Польские спецпереселенцы в Архангельской области. С. 149.

³⁰ Письмо Т. Шиманского опубликовано в статье: Мельник Т. Поляки в тайге // Двина. 2002. № 4 (8). С. 21.

³¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша, 1944–1945. К истории военного союза: документы и материалы / автор-составитель С.Я. Лавренов, и др. Москва: Терра, 1994. С. 24.

³² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 42–44 об.; Д. 88. Л. 46–48.

³³ Митин В.А. Судьба польских граждан, депортированных в Архангельскую область в 1940 г. С. 153.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 76. Л. 50.

Согласно «Индексу репрессированных...» почти все спецпереселенцы поселка Уйма (520 человек) были амнистированы в августе–октябре 1941 г. и в декабре выехали в Среднюю Азию, где формировалась Армия Андерса. После войны, в 1946–1948 гг., при организации депатриации в Польшу, имена трех десятков из них встречаются в списках депатриантов из стран, где дислоцировались части армии, – из Ирана, Великобритании, из стран Африки. Еще 53 поселенца скончались до амнистии и покоятся на местном кладбище Уймы. Семеро были арестованы на сроки от пяти до семи лет, и их судьба теряется где-то на островах ГУЛАГа³⁵.

Несколько иначе складывалась судьба переселенцев Косково, большая часть которых была занята на лесоповале и сплаве. Их отъезд мог сорвать работу всей отрасли региона. Из 516 переселенцев, доставленных в поселок, не смогли пережить зиму 1940–1941 годов 57 человек (11 %). Оставшиеся в живых, за исключением четырех арестованных по 58-й статье, были амнистированы. Однако только 31 человек из их числа был отправлен на юг к местам дислокации Армии Андерса. Остальных в связи с подготовкой к сплаву под разными предлогами либо оставили в Косково, либо распределили по соседним поселкам вверх по Двине: в Боброво (6 чел.), Вайново (201 чел.), Казенщину (28 чел.), Орлецы, Племсовхоз. 13 человек перевели в Архангельск³⁶.

Во многом судьбу этих людей определяли советско-польские отношения. Для части поляков амнистия была отложена после ареста в Архангельске миссии польской Делегатуры летом 1942 г.³⁷ или после разрыва дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством в 1943 г. Лишь с созданием в СССР просоветских польских государственных и общественных организаций (Делегатуры при Союзе польских патриотов, Польской армии, Рады Народовой и т.п.) отношение к «задержанным» полякам стало меняться.

³⁵ Подсчитано по: Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7.

³⁶ Подсчитано по: Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7.

³⁷ С тем, чтобы оказать помощь в скорейшем освобождении поляков по амнистии, в Архангельск в начале 1942 г. прибыла польская миссия во главе со вторым секретарем посольства Юзефом Груем. Но уже 29 июня все члены миссии были арестованы за «антисоветскую агитацию». И хотя спустя две недели их освободили, миссия, по сути, прекратила свою работу, и процесс выезда амнистированных польских граждан затянулся. См.: Сабурова Т.С. Депортированные поляки на Архангельском Севере (по материалам следственных дел КГБ–ФСБ) // Каторга и ссылка на Севере России. Том 1: Польская ссылка: сборник статей / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 199.

5 апреля 1944 г. Совнарком СССР принял постановление о переселении поляков из районов, неблагоприятных по климатическим условиям, в только что освобожденные районы Северного Кавказа и Украины. Ко времени принятия постановления в Архангельской области находилось 5 626 польских граждан, включая 207 детей-сирот и 68 инвалидов³⁸. С мая по ноябрь 1944 г. практически все бывшие спецпереселенцы были вывезены из Архангельской области эшелонами на юг СССР.

6 июля 1945 г., сразу после признания главами союзных государств новой советско-польской границы, между правительствами Польши и СССР было заключено соглашение, позволявшее бывшим польским гражданам, получившим гражданство СССР, отказаться от советского паспорта и вернуться в Польшу. Специально созданная при Архангельском облисполкоме комиссия, работавшая до августа 1946 г., приняла около 200 заявлений на выезд из СССР³⁹. К началу января 1953 г. среди спецпереселенцев в Архангельской области поляков уже не было⁴⁰.

Заключение

Таким образом, детальный обзор списков репрессированных поляков и изучение их пребывания в двух северных поселках позволяет сделать весьма далеко идущие выводы о целесообразности польской депортации. Из 1 100 польских спецпереселенцев за первые полгода ссылки каждый девятый не дожил до амнистии и упокоился на местных кладбищах. Из оставшихся в живых лишь 20 % (а именно мужчины в возрасте от 18 до 60 лет) могли быть привлечены к работам на лесозаготовках. Остальные 22 % спецконтингента составляли женщины работоспособного возраста, вынужденные присматривать за своими детьми, из которых 20 % были в возрасте до 7 лет, а 27 % –

³⁸ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. Реферантура по Англии. Оп. 28. Д. 52. Л. 27; ГААО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 135. Л. 67.

³⁹ На 1 декабря комиссия выявила 115 польских семейств, вынужденно или по незнанию принявших советское гражданство. С 7 декабря 1945 г. Комиссия начала работу по рассмотрению заявлений и на 12-ти своих заседаниях рассмотрела 119 заявлений. На последнем заседании, состоявшемся 4 июля 1946 г., были рассмотрены заявления лиц, опоздавших по уважительным причинам подать заявление в срок до 1 января 1946 года. Был разрешен выезд 84 взрослым и 21 ребенку при них (по национальности: 35 поляков, 43 еврея, 4 русских, 2 украинца).

⁴⁰ ГААО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 135. Л. 111. На 17 октября 1957 г. в лагерях МВД СССР находилось 19 польских граждан, в том числе шестеро – по ст. 58 УК РСФСР, четверо – по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и четверо – по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. См.: Library of the Congress. VLG Collection. Reel 19.

школьники от 8 до 14 лет, обязанные, согласно советскому закону о всеобуче, посещать школу.

Даже если принять во внимание, что в условиях военного времени в нарушение формальных советских законов и логики к работе максимально могли привлечь еще 15–20 % женщин и детей, то эффективность их работы в лесу все равно была минимальной. Польский спецконтингент изначально был обречен на нищету и вымирание. В поселках не было ни медпунктов, ни детских садов, ни нормальных условий для выживания и труда. Поэтому отъезд в Армию Андерса в начале 1942 г. был не только спасением для поляков, но и избавлением от многих проблем для советской администрации, по крайней мере, пригородного поселка Уйма. Что же касается спецпоселенцев Косково, значительную часть которых составляли жители Брестской и Пинской областей, неплохо знавшие русский язык, то их после амнистии и с началом навигации распределили по нескольким деревням, где были к тому времени созданы относительно приемлемые условия для работы и быта, и всячески пытались удержать на поселении вплоть до конца войны. Эти бывшие граждане Польши стали заложниками в решении пресловутого «польского вопроса». Неслучайно, как только была достигнута договоренность с союзниками о западной границе СССР, ни один поляк не пожелал остаться в местах принудительного поселения. Все они поспешили покинуть Советский Союз.

Introduction

The history of the Soviet-Polish relations during the Second World War is one of the most debatable and, therefore, extremely relevant issues in Russian and foreign historiography. In order to study this and related topics, the Commission of Historians of Russia and Poland (1965), special commission for the study of the white spots (1987–90), and the group for the study of “difficult issues” in the history of our countries (2002) were established. The International Center for Polish-Russian Dialogue and Understanding and the Polish public organization Karta¹ give much

¹ S.E. Kendzera, “Commission of historians of Russia and Poland at the end of the 20th – beginning of the 21st century: preservation of traditions and new horizons” [in Russian], *Slavyanovedenie*, no. 5 (2015): 92–96.

attention to these issues. Dozens of monographs, volumes of memoirs, and reference books have been written on the issues under discussion.²

One of the underexplored subjects of Russian-Polish history of the 20th century is the fate of Polish citizens who were deported to the remote regions of the Soviet Union, including its European North, during the war years. The history of the sojourn of Poles in the North of the USSR during the war is the subject of books and articles by such authors as T. Vasil'chenko, N. Upadyshev, A. Gur'yanov, M. Suprun, V. Mitin, T. Mel'nik, N. Ignatova, A. Kuz'minykh, S. Starostin;³ Polish historians Stanislaw Ciesielski, Wojciech Materski, Albin Głowacki, and Krzysztof Jasiewicz.⁴

² Center for Russian-Polish Dialogue and Reconciliation Foundation [in Russian] (Moscow, 2014), accessed May 1, 2021, <http://rospolcentr.ru/>; Fundacja Ośrodka KARTA [in Polish] (Warsaw, 1982), accessed May 1, 2021, <https://karta.org.pl/>

³ T.E. Vasil'chenko, "Polish citizens in the European North of the USSR: from deportation to amnesty and repatriation (1939–1946)" [in Russian], *Penal servitude and exile in the North of Russia. Materials and research*, ed. M.N. Suprun, vol. 4 (Arkhangelsk: KIRA, 2010); N.V. Upadyshev, *Gulag in the Arkhangelsk North: 1919–1953* [in Russian] (Arkhangelsk: Pomorskii universitet im. M.V. Lomonosova, 2004); A.E. Gur'yanov, "Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast, Kirov Oblast and Komi ASSR in 1940–1941" [in Russian], in *Penal servitude and exile in the North of Russia*, vol. 1, *Polish exile: collected articles*, ed. M.N. Suprun (St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004), 128–45; M.N. Suprun, "Poles in the Russian North during the Second World War (1939–1945): repression, captivity, special settlements" [in Russian], *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 2 (34) (2019): 41–58; V.A. Mitin, "The fate of Polish citizens deported to Arkhangelsk Oblast in 1940" [in Russian], in *Penal servitude and exile in the North of Russia*, vol. 1, *Polish exile: collected articles*, ed. M.N. Suprun (St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004), 146–54; T.F. Mel'nik, "Polish osadniki in Pinega land, the Chernetskys in Pachikha" [in Russian], In *Penal servitude and exile in the North of Russia*, vol. 1, *Polish exile: collected articles*, ed. M.N. Suprun, 200–33 (St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004); N.M. Ignatova, "Forced labor of special settlers as a systemic factor in the industrial development of the northern regions in the 1930s–1950s" [in Russian], in *History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economy, politics, memory: materials of the international scientific conference. Moscow, October 28–29, 2011*, ed. L.I. Borodkin, S.A. Krasil'nikov, O.V. Khlevnyuk (Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina", 2013), 433–49; N.M. Ignatova, *Special settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s* [in Russian] (Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr Ural'skogo otdeleniya RAN, 2009); A.L. Kuz'minykh and S.I. Starostin, *Poles in the Vologda region: repression, captivity, special settlement (1937–1953)* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2014); Starostin, S.I. "Mass deportations and the system of special settlements in Vologda region in the 1930s–1950s," *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 212–317, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

⁴ S. Ciesielski, *Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich* (Ośrodek Karta, 2002); S. Ciesielski, *Terror na co dzień. Polityka represyjna w ZSRR 1945–1953* (Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015); W. Materski, *Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami* (Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2009); A. Glowacki, *Przemieszczenie*

A significant number of the articles by these authors were published in the collection *Penal Servitude and Exile in the North of Russia* and in the commentary to the multivolume series *Indeks Represjonowanych* containing the lists of Polish citizens who were executed by shooting and deported to Russia from various regions of Poland which became part of the USSR in 1939.⁵ Part 7 of Volume 14⁶ of the latest edition with the list of the names of more than 1 100 osadniks, foresters and a small number of refugees⁷ who were exiled to the northern settlements of Uima and Koskovo underlie the basis for this publication. Relying on this volume and other lists of the *Indeks*, it is possible to conduct micro-level research, among other things, within the framework of social history, which includes history of everyday life, gender history, and the history of individual settlements. It was the lead the authors of the publication followed when they made an attempt to research the fate of the exiles in the two special settlements in the North. To a large extent, this circumstance determines the novelty of the study. The choice of these two special settlements out of all 129 settlements where Polish citizens were stationed in the territory of the region is explained by their maximum proximity to the regional center, and therefore, by the comparatively more comfortable conditions for the special settlers.

Main body

On August 23, 1939, the Molotov–Ribbentrop Pact was signed in Moscow. The secret protocols determined the division of spheres of influence in Europe between

obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku (Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1989); A. Glowacki, *Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946)* (Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994); A. Glowacki, *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941* (Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997); K. Jasiewicz, *Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce, 1939–1941* (Warsaw: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2002).

⁵ Suprun, et al., eds., *Penal servitude and exile in the North of Russia: collected articles* [in Russian], vols. 1–4 (St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova; KIRA, 2004–2010); *Indeks Represjonowanych*, vols. 1–21 (Warsaw: Ośrodek KARTA, 1995–2013). Published in Warsaw since 1995, the multi-volume series *Indeks Represjonowanych* includes lists of names of the Polish citizens who were deported to various regions of the USSR in 1939–41.

⁶ E. Rybarska, et al., comps., *Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych, czesc 7, Alfabetyczny wykaz 7680 obywateli polskich wywiezionych w 1940 roku z obwodu rowienskiego, tarnopolskiego, stanisławskiego, i drogobyczkiego oraz bez ustalonego obwodu wywoski, Indeks represjonowanych, t. XIV* (Warszawa: Osrodek KARTA, 2007).

⁷ The term *osadniks* refers to the veterans of the Polish Army who distinguished themselves in the Polish-Soviet War of 1920 and in the 1920s – 1930s, received land in the regions inhabited by Ukrainians and Belarusians. The term *foresters* (*lesniki*) denotes the employees of forest protection (as a rule, those positions in Western Belarus were occupied by Poles). The term *refugees* here applies to the Polish citizens of Jewish origin who fled to the USSR from Nazi terror.

Germany and the Soviet Union. According to the main protocol, “the border between the spheres of influence of Germany and the USSR should run approximately along the line of the rivers Narew, Vistula, and San.”⁸ This meant that a large part of eastern Poland was to become a part of the Soviet Union. This is exactly what happened at the beginning of the Second World War. The territories which were occupied in September 1939 and became Western Ukraine and Western Belarus were subject to Sovietization, that is, to the transfer of their population under Soviet jurisdiction; the disloyal population, which undoubtedly included osadniks and foresters, were subject to deportation inland.

The deportation of Polish citizens was carried out in compliance with the directive of the Council of People’s Commissars of the USSR “On the expulsion of a socially-alien element from the Baltic republics, Western Ukraine and Western Belarus, and Moldova” adopted in 1939, the “Instructions for the expulsion of osadniks from the western regions of the Ukrainian SSR and the BSSR”⁹ based on it, and the “Provisions on special settlements and labor arrangement for the osadniks who were removed from the western regions of the Ukrainian SSR and the BSSR.”¹⁰ In total, 320 thousand people were removed from these territories to the interior of the USSR in 1940–41. Of them, there were 58 thousand osadniks, foresters, and refugees in Arkhangelsk Oblast alone.¹¹ The concentration of such a number of deportees in the region was accounted for by to the need of logging industry for labor force that did not require high qualifications and the existing infrastructure of the North.

In 1939, there were 11 logging and 4 timber floating trusts with 40 logging enterprises, 220 logging depots, a hundred of timber floating offices employing tens of thousands of people in the territory of Arkhangelsk Oblast, which was often called the all-Union sawmill due to its economic specialization. During the floating season, the need for workers doubled or tripled. In 1938, the shortage of workers was 21 375 people in forest trusts alone.¹² That is why the management of the Glavsevles trust, which controlled the activities of the logging industry in the region, was impatiently awaiting the arrival of a new “contingent.” On November 29, 1939, it

⁸ N.V. Glazunov, ed., *Documents on the USSR foreign policy* [in Russian], vol. 22, 1939, bk. 2, September–December (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1992), 134.

⁹ Bugai, N., comp. *Joseph Stalin to Lavrenty Beria: “They are to be deported”: documents, facts, commentary* [in Russian] (Moscow: Druzhba narodov, 1992), 23.

¹⁰ Bugai, *Joseph Stalin to Lavrenty Beria*, 24.

¹¹ T.E. Vasil’chenko, “Deportation of Polish citizens from the western regions of the Ukrainian SSR and the BSSR to the European North (February 1940 – June 22, 1941)” [in Russian], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, no. 2 (2008): 6.

¹² Mitin, “The fate of Polish citizens deported to the Arkhangelsk region in 1940,” 148.

sent the letter (no. 53–547) with instructions on how to meet the settlers at the local level. According to the document, the heads of the departments had to prepare detached settlements designed to accommodate 100 to 200 families, counting 3 square meters of living space per person. The heads of the departments were to organize reception of the settlers at the railway station, provide transportation to special settlements, and also supply people with warm food and warm clothes.¹³ The People's Commissariat for Forestry knew that the special contingent was given only 24 hours to pack and their luggage was strictly limited, and therefore without warm food, warm clothes and shoes, they were doomed to die during transportation to their destination in the conditions of the polar winter.

Meanwhile, the NKVD reports from the field indicate an outright refusal of logging enterprises to provide transport due to various, mainly valid, reasons. Therefore, many days' walk from railway stations to special settlements was often accompanied by great human tragedies, even strangulation of children by their parents on the way to the place of exile.¹⁴

The settlements were not ready to accept the special contingent. At the end of 1939, the People's Commissariat of Forestry allocated money for the development of such settlements, but by the time the contingent arrived in January 1940 (that is, in two or three months!) there had not been enough time to draw the money. That is why in order to accommodate the deportees, it was necessary either to accommodate them in the houses of local residents or to place them in the settlements of the kulaks who had been exiled there at the beginning of collectivization (with the preliminary transfer of those who still stayed there to other places), and even to settle the deportees "in the middle of nowhere" in hastily made dugouts. Usually special settlements were filled according to the point of departure and schedule of arrival of special trains. If a special train was formed in the territory of a certain voivodeship in Eastern Poland and consisted of osadniks, they embarked and were settled together in a special settlement of osadniks, natives of a certain province. If foresters or refugees from other regions were placed on a special train as it moved forward, the corresponding contingent was added to the special settlements.

In the territory of the present-day Primorsky Raion of Arkhangelsk Oblast, which in essence was in the outskirts of the oblast center, two special settlements were organized which are well known today were organized: Uima and Koskovo. The settlement of Uima was located 17 kilometers from Arkhangelsk and administratively belonged to the Pervomaisky district of the city. In 1940, 618 special settlers were

¹³ T.E. Vasil'chenko, "Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast during the Second World War" [in Russian], *Penal servitude and exile in the North of Russia*, vol. 2, ed. M.N. Suprun, R.A. Khantalin, and S.O. Shalyapin (Arkhangelsk: KIRA, 2006), 141.

¹⁴ Vasil'chenko, "Polish citizens in the European North of the USSR," 66.

brought here:¹⁵ 446 (or 72.2%) of them were residents of Pinsk Oblast; 151 (24.4%) were representatives of Volhynia; 11 persons (1.8%) were from Rivne Oblast; 10 (1.6%) persons were from Brest Oblast. Among them, there were only 110 men (or 17.5%) of working age (18–60 years old), 121 women (19.3%) of the same age category, and 47 boys and girls (7.5%) of working age (15–17 years old). The rest were adolescents of 8–14 years (182 persons or 28.9%), children under 7 years (150 persons or 23.8%), and the elderly (over 60 years old) (19 persons or 3%).¹⁶

A similar age and sex composition was observed among those brought to the special settlement of Koskovo. This settlement, now part of the Primorsky district, was part of Kholmogory Raion in those years, therefore all the resident of the settlement were subordinate to the commandant of the raion commandant's office in the village of Kholmogory, which was 32 km from the settlement. The nearest village council, located in the village of Koskovo, was also quite far away, in 19 kilometers. The same distance had to be covered in order to get to the logging station in the village of Vainovo, where the nearest wharf on the Northern Dvina was located and where the timber was to be delivered for floating to Arkhangelsk.

Most of the 516 Koskovo special settlers were residents of Pinsk Oblast (385 people or 73.4%) and Brest Oblast (130 persons or 24.8%). One native of Ternopil happened to be among them. In addition, 8 children were born in exile.¹⁷

133 women aged 18 to 60 years constituted a quarter of those brought for settlement in Koskovo. 130 adolescents from 8 to 14 years of age (24.8%) made another quarter. Formally, from among those who arrived in the special settlement, 123 men of 18 to 60 years of age (23.4%) and 42 (or 8.3%) boys 15–17 years old could have been involved in logging, since the rest of the newcomers were children (under 7 of age) (15.4% or 81 persons) and elderly people (older than 60 years) (2.7% or 15 persons).¹⁸ In this regard, economic expediency of such a deportation becomes questionable. Even if there were childcare facilities that could have made some women available for work, no more than 50% of the total number of newcomers could be considered able to work. In this case, the profitability of labor could be supported by a starvation wage and minimal expenses for the maintenance of special settlements, which largely determined the everyday life of the settlers.

Despite the instructions of the People's Commissariat of Forestry, 15–20 osadnik families or 60–80 persons were accommodated in one bunkhouse. Under such

¹⁵ 11 children were born in exile.

¹⁶ Calculated according to *Deportowani w obwodzie archangielskim*, Czesc 7, Indeks represjonowanych, t. XIV.

¹⁷ Calculated according to *Deportowani w obwodzie archangielskim*, Czesc 7, Indeks represjonowanych, t. XIV.

¹⁸ Calculated according to *Deportowani w obwodzie archangielskim*, Czesc 7, Indeks represjonowanych, t. XIV.

overcrowding, it was not possible to install a bed for each person. In the absence of tables and stools, people had to eat while sitting on the plunk beds, most often in the dark. There was no lighting due to the lack of kerosene lamps, and there are only a few hours of daylight in the North in winter.¹⁹ Not all settlements had a bathhouse and a sells outlet. During the period when special settlers arrived, there were hardly any kindergartens, schools, not to mention first-aid posts, in special settlements.

The raion commandant's offices of the NKVD appointed a commandant who was responsible for order, work and rest of the settlers in each special settlement. The commandant was the most important person in the "place of settlement." His responsibilities included keeping record of settlers, issuing documents, preventing escapes, i.e. the same thing that a village policeman did in relation to the exiles in pre-revolutionary Russia. But unlike police stations, Soviet commandant's offices were maintained by deducting 10% of special settlers' earnings. Moreover, the commandant could impose a fine of up to 50 rubles, which amounted to almost a half of the employee's monthly wages, for violation of the internal regulations of the settlement. If unable to pay the fine, the settler could be arrested for up to 10 days. For more serious violations (absence, repeatedly being late for work, insubordination to the authorities), the commandant could send the guilty person to the hardest correctional labor work for a period of three months with 10% pay deduction.²⁰

Inhuman living conditions were accompanied by hard and poorly paid work. The unexpected appearance of a huge number of workers in timber procurement establishments created local problems with tools, transport, and overalls. According to production inspections, as of April 17, 1940, i.e. three months after the arrival of the special population, 4 saws and 8 axes (as a rule, they were faulty, which increased the risk of injury) were given to a team of 20 persons at the Dvinosplav, Dvinoles, and Kotlasles enterprises. The workers walked 5–10 kilometers to the plots. Finished logs were manually loaded on the carts and transported by horse to the river bank for floating.²¹

In addition to logging, Polish exiles were involved in agricultural work or worked at the enterprises not far from the settlement.²² For instance, exiles from the special

¹⁹ B.A. Nakhapetov, *Essays on the history of the medical service of the GULAG* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2009), 24.

²⁰ Vasil'chenko, "Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast," 144.

²¹ Vasil'chenko, "Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast," 145.

²² "Dokladnye zapiski i perepiska o rabote Severnoi opytnoi stantsii mekhanizatsii lesozagotovok, o polozhenii traktornykh baz i rabote traktorov na lesozagotovkakh" [Memoranda and correspondence on the work of the Northern experimental station of logging mechanization, on the position of tractor bases and the work of tractors in logging]. F. 290, op. 1, d. 65, l. 1. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of Arkhangelsk Oblast] (GAAO), Arkhangelsk, Russia.

settlement of Uima worked at a ceramic factory and on the collective farms of the 8th of March, Zhivotnovod, and Krasnaya Zarya. Olga P. Agafonova, a resident of the settlement of Uima, recalls:

I remember that in the summer the exiled Poles were escorted to work at haymaking. My mother also worked at haymaking. Being a little girl, I was also with my mother. We heard the foreign speech of the Poles, their Russian was bad. They often asked local women for food. The women avoided them, and we, the children, were not allowed to approach them.²³

In 1941, the salary of an osadnik in Arkhangelsk Oblast was about 120–156 rubles a month. But often, it was not paid. In the special settlement of Uima, arrears in wage payment amounted to 80 thousand rubles as of April 8, 1941. To prevent people from starving to death, they were given scanty advances of 50 kopecks to 3 rubles. Sometimes food was given instead of money.²⁴ In the memoirs of the special settlers, it is noted that hunger was a permanent feeling. Yanina Chaika-Korsun remembered:

A terrible hunger was raging. Mother and father worked, the three older children begged.²⁵

The attitude of the residents of Arkhangelsk Oblast to special settlers was different: some felt sorry for them and helped them while others tried to avoid them, fearing punishment from the authorities who forbade any assistance to the Poles. Nevertheless, the majority of the Poles recall kind attitude of ordinary northerners to them. For example, A. Zybailo, a special settler of the settlement of Koskovo (Vainovo) recalled, “I remember a kind landlady, a very warm house, a samovar, and food at one of the overnight stays.”²⁶

In an interview, a resident of the village of Koskovo described her husband’s childhood memories the following way:

My husband told me that Poles were brought to their house for the night in groups of 3–5 persons. They had a large house, so horses were put in the backyard. Poles were given a loaf of bread for supper, but it was so stale and so frozen that they had to saw it into pieces with a handsaw. Although they were forbidden to help, the

²³ Interview with Olga P. Agafonova (born 1934) was recorded in the village of Uima on January 26, 2019. Personal archive of A.I. Gerasimova, file no. 5. 0:22–1:58.

²⁴ Mel'nik, “Polish osadniks in Pinega land,” 206.

²⁵ Cited in Mitin, “The fate of Polish citizens deported to Arkhangelsk Oblast,” 149.

²⁶ Cited in Vasil'chenko, “Polish citizens in the European North of the USSR,” 184.

hosts heated a samovar for them and gave them food. Grigory (the husband) told me that when he was little, they were put to sleep in the sleeping bench on top of the Russian stove, and the special settlers slept on the floor in the large room. In the morning, they were forced to go to the river and clear the snow in order to cross to the other side.²⁷

House in the village of Koskovo where Poles stayed. Photo of 1917.

Source: personal archive of A. Gerasimova

The salaries of the osadnik special settlers were clearly not enough, so many of them shirked logging work in order to save their strength. For them, it was more important than the desire to earn more. The largest group among the Polish deportees prosecuted in Arkhangelsk Oblast consisted of those who were convicted under the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated June 26, 1940 for unexcused absence and refusal to work as well as for speculation and anti-Soviet agitation. Unexcused absence from work among special settlers was usually punished by penal work, but “speculation” and “anti-Soviet propaganda” threatened with a criminal sentence. Only during the first year of exile in Uima, four settlers were arrested for speculation (Article 107 of the Criminal Code of the RSFSR), and three, under Article 58–10 of the Criminal Code of the RSFSR (counter-revolutionary propaganda and agitation). Four Poles from Koskovo were sent to the camps for 8 years under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR.²⁸

²⁷ Interview with Valentina N. Veshnyakova (born 1947) was recorded in Arkhangelsk on March 29, 2021. Personal archive of A. Gerasimova, file no. 7.

²⁸ Calculated according to *Deportowani w obwodzie archangielskim*, Czesc 7, Indeks represjonowanych, t. XIV.

Some of the special settlers decided to escape. In Arkhangelsk Oblast, 38 osadniks fled during 1940 and the first half of 1941. From October 1, 1940 to June 30, 1941, 43 refugees disappeared from the places of settlement. Of those who managed to survive, 19 were detained and 7 persons returned voluntarily. Some of the escapees were returned to the special settlements and got off with arrest for several days, but most were sentenced by the Special Meeting of the NKVD of the USSR under Article 82 Part 2 of the Criminal Code of the RSFSR (escape from the place of forced settlement) to 3–5 years of imprisonment in labor camps.²⁹

Due to the seasonal nature of logging, settlers were often transferred to the nearby enterprises. At the beginning of the 1941 floating season, the Koskovo special settlers were transferred to Bobrovo logging boom and to the forest settlement of Vainovo. Under the conditions of rush work, labor duty was applied to everyone, including elderly people and children. Children brought water from the river, kept living quarters clean, washed clothes, heated the camp bathhouse and bunkhouses, laid wood blocks on the sawmill, and chopped off branches and young growth. T. Shimansky wrote about that in his memoirs.³⁰

The stay of Polish citizens in the place of settlement in Arkhangelsk Oblast ended with their formal release under the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated August 12, 1941 “On granting amnesty to the Polish citizens kept in confinement in the USSR.”³¹ At the time of the amnesty, 57 094 Polish special settlers resided in Arkhangelsk Oblast (46 793 osadniks or foresters and 10 301 refugees).³² In accordance with the Decree, 44 486 Polish citizens were released from special settlements in Arkhangelsk Oblast.³³ The rest either had not lived up to the amnesty, or, as Lavrenty Beria reported to Joseph Stalin, were “detained until further notice.”³⁴ As a rule, the category of detainees included “evacuated Poles” who were under investigation or convicted during exile as well as those forcibly recorded as “the citizens of the USSR since 1939,” including the residents of Uima and Koskovo.

According to the *Indeks represjonowanych*, almost all of the special settlers of Uima (520 persons) were amnestied in August–October 1941, and in December they

²⁹ Vasil'chenko, “Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast,” 149.

³⁰ T. Shimansky’s letter was published in the article by T. Mel'nik (T. Mel'nik, “Poles in the taiga” [in Russian], *Dvina*, no. 4 (8) (2002): 21).

³¹ S.Ya. Lavrenov, et al., comps., *Russian archive: Great Patriotic War* [in Russian], vol. 14 (3–1), *USSR and Poland: 1941–1945: on the history of the military alliance: documents and materials* (Moscow: Terra, 1994), 24.

³² Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), f. 9479, op. 1, d. 61, ll. 42–44 ob.; d. 88, ll. 46–48.

³³ Mitin, “The fate of Polish citizens deported to Arkhangelsk Oblast,” 153.

³⁴ F. 9479, op. 1, d. 76, l. 50. GARF.

left for Soviet Central Asia, where the Anders Army was being formed. After the war, in 1946–48, when repatriation to Poland was organized, the names of three dozen of them are found in the lists of repatriates from the countries where the army units were stationed: Iran, Great Britain, and African countries. Another 53 settlers died before the amnesty and were buried at the local Uima cemetery. Seven more people were arrested for five–seven years, and their traces were lost somewhere on the islands of the GULAG.³⁵

The fate of the Koskovo special settlers, most of which were engaged in logging and timber floating, was different. Their departure could disrupt the work of the entire industry in the region. Out of 516 settlers brought to the village, 57 persons (11%) could not survive the winter of 1940–41. The survivors were amnestied except for the four persons who were arrested under Article 58. However, only 31 of them were sent south to the places of the Anders Army location. In connection with the preparation for timber floating, the rest were either left in Koskovo or sent to the neighboring villages up the Dvina River under various pretexts: to Bobrovo (6 persons); to Vainovo (201 persons); to Kazenshchina (28 persons); to Orletsy and to Plemsovkhоз. 13 persons were transferred to Arkhangelsk.³⁶

In many ways, the fate of these people was determined by the Soviet-Polish relations. For some Poles, the amnesty was postponed after the arrest of the mission of the Polish Delegates in Arkhangelsk in the summer of 1942³⁷ or after the severance of diplomatic relations with the Polish Government-in-Exile in 1943. Only after the establishment of pro-Soviet Polish state and public organizations in the USSR (Delegates under the Union of Polish Patriots, Polish Army, Rada Narodowa, and the like), the attitude towards the “detained” Poles began to change.

On April 5, 1944, the Council of People’s Commissars of the USSR adopted a resolution on the resettlement of Poles from climatically unfavorable regions to the newly liberated regions of the North Caucasus and Ukraine. When the resolution was adopted, there were 5 626 Polish citizens in Arkhangelsk Oblast, including

³⁵ Calculated according to *Deportowani w obwodzie archangielskim*, Czesc 7, Indeks represjonowanych, t. XIV.

³⁶ Calculated according to *Deportowani w obwodzie archangielskim*, Czesc 7, Indeks represjonowanych, t. XIV.

³⁷ In order to provide assistance in the early release of the Poles under the amnesty, a Polish mission headed by Józef Gruja, second secretary of the embassy, arrived in Arkhangelsk in early 1942. But on June 29 all members of the mission were arrested for “anti-Soviet agitation.” Although they were released two weeks later, the mission essentially stopped its work and the process of leaving the amnestied Polish citizens was protracted. See T.S. Saburova, “Deported Poles in the Arkhangelsk North (based on the materials of the KGB–FSB investigative files)” [In Russian], in *Penal servitude and exile in the North of Russia*, vol. 1, *Polish exile: collected articles*, ed. M.N. Suprun (St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004), 199.

207 orphans and 68 disabled persons.³⁸ From May to November 1944, almost all the former special settlers were brought from Arkhangelsk Oblast to the south of the USSR by special trains.

On July 6, 1945, immediately after the heads of the allied states recognized the new Soviet-Polish border, an agreement was concluded between the governments of Poland and the USSR, according to which the Polish citizens who received USSR citizenship were allowed to renounce the Soviet passport and return to Poland. A commission specially created under the Arkhangelsk Oblast Executive Committee. It worked until August 1946 and accepted about 200 applications to leave the USSR.³⁹ By the beginning of January 1953, there had been no Poles among the special settlers in Arkhangelsk Oblast.⁴⁰

Conclusion

The detailed review of the lists of the repressed Poles and the study of their stay in two northern settlements allows us to draw some far-reaching conclusions about the expediency of Polish deportation. Out of 1 100 Polish special settlers, every one of the nine had not lived up till the amnesty, died during the first six months of exile and was buried at the local cemeteries. Of the survivors, only 20% (namely, men between the ages of 18 and 60) could be involved in logging operations. The remaining 22% of the special contingent were women of working age, but they were forced to stay with children, of whom 20% were under the age of 7, and 27% were schoolchildren from 8 to 14 years of age who were obliged to attend school in compliance with the Soviet law on universal education.

Even if we take into account the fact that, in violation of formal Soviet laws and logic under wartime conditions, as many as another 15–20% of women and children could be made to work, the efficiency of their labor in the woods was minimal anyway. The Polish special contingent was doomed to poverty and extinction from

³⁸ F. Referat po Anglii [References to England] op. 28, d. 52, l. 27. Arkhiv vnesheini politiki RF [Archive of the foreign policy of the Russian Federation] (AVP RF), Moscow, Russia; GAAO, f. 1133, op. 1, d. 135, l. 67.

³⁹ As of December 1, the commission had identified 115 Polish families who adopted Soviet citizenship forcibly or unknowingly. On December 7, 1945, the Commission began consideration of applications and considered 119 applications during its 12 meetings. The applications of the persons who were late to submit an application before January 1, 1946 for valid reasons were considered at the last meeting held on July 4, 1946. Permission to leave was given to 84 adults and 21 children (35 Poles, 43 Jews, 4 Russians, and 2 Ukrainians by nationality).

⁴⁰ GAAO, f. 1133, op. 1, d. 135, l. 111. On October 17, 1957, there were 19 Polish citizens in the camps of the MVD of the USSR. Six of them, under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR; four, under the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated April 19, 1943; four, under the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated June 4, 1947. See Library of the Congress, VLG collection, reel 19.

the very beginning. The settlements had neither first-aid posts and kindergartens, nor normal conditions for survival and labor. Therefore, the departure to the Anders Army at the beginning of 1942 was not only salvation for the Poles but also a rescue from many problems the Soviet administration could face, at least in the suburban settlement of Uima. As for the special settlers of Koskovo, a significant number of whom were residents of Brest and Pinsk oblasts and spoke Russian quite fluently, after the amnesty and with the beginning of navigation, they were moved to several neighboring villages, where quite acceptable conditions for work and life had been created by that time. The authorities tried to keep them in settlement until the end of the war in every possible way. These former Polish citizens became hostages in the solution of the infamous “Polish issue.” It is no coincidence that as soon as an agreement with the allies on the western border of the USSR was reached, not a single Pole wanted to stay in the places of forced settlement and all of them hastened to leave for their homeland.

Список литературы

Васильченко Т.Е. Депортация польских граждан из западных областей УССР и БССР на Европейский Север (февраль 1940 – 22 июня 1941 годов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 5–8.

Васильченко Т.Е. Польские спецпереселенцы в Архангельской области в годы второй мировой войны // Каторга и ссылка на Севере России: в 4 т. / редколлегия: М.Н. Супрун, Р.А. Ханталин, С.О. Шаляпин. Архангельск: КИРА, 2006. Т. 2. С. 141–155.

Каторга и ссылка на Севере России. Материалы и исследования: в 4 т. Т. 4: Васильченко Т.Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и депатриации (1939–1946 гг.) / под редакцией М.Н. Супруна. Архангельск: КИРА, 2010. 184 с.

Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Архангельской, Кировской областях и Коми АССР в 1940–1941 гг. // Каторга и ссылка на Севере России. Том 1: Польская ссылка: сборник статей / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 128–145.

Игнатова Н.М. Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950 гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2011 г. / ответственные редакторы Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 433–449.

Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е годы. Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН, 2009. 192 с.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступительная статья, составитель Н. Бугай. Москва: Дружба народов, 1992. 288 с.

Кэндзёра С.Э. Комиссия историков России и Польши в конце XX – начале XXI века: сохранение традиций и новые горизонты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 92–96.

Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда: Древности Севера, 2014. 688 с.

Мельник Т.Ф. Польские осадники на Пинежье, Чернецкие в Пачихе // Каторга и ссылка на Севере России. Том 1: Польская ссылка: сборник статей / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 200–233.

Митин В.А. Судьба польских граждан, депортированных в Архангельскую область в 1940 г. // Каторга и ссылка на Севере России. Том 1: Польская ссылка: сборник статей / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 146–154.

Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. Москва: РОССПЭН, 2009. 191 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–1): СССР и Польша: 1941–1945: к истории военного союза: документы и материалы / авторы-составители С.Я. Лавренов, и др. Москва: Терра, 1994. 492 с.

Сабурова Т.С. Депортированные поляки на Архангельском Севере (по материалам следственных дел КГБ–ФСБ) // Каторга и ссылка на Севере России. Т. 1: Польская ссылка: сборник статей / составитель и научный редактор М.Н. Супрун. Санкт-Петербург; Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 189–199.

Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317.

Супрун М.Н. Поляки на Русском Севере в годы Второй мировой войны (1939–1945): репрессии, плен, спецпоселения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (34). С. 41–58.

Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. 209 с.

Ciesielski S. Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich. Warszawa: Ośrodek Karta, 2002. 40 s.

Ciesielski S. Terror na co dzień. Polityka represyjna w ZSRR 1945–1953. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015. 313 s.

Deportowani w obwodzie archangielskim. Indeks represjonowanych. T. XIV. Czesc 7: Alfabetyczny wykaz 7680 obywateli polskich wywiezionych w 1940 roku z obwodu rowieńskiego, tarnopolskiego, stanisławskiego, i drogobyckiego oraz bez ustalonego obwodu wywoski / составители Э. Рыбарска, и др. Warszawa: Osrodek KARTA, 2007. 710 s.

Glowacki A. Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. 297 s.

Glowacki A. Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1989. 130 s.

Glowacki A. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. 351 s.

Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce, 1939–1941. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2002. 1261 s.

Materski W. Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. 297 s.

Materski W. Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2009. 352 s.

Materski W. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. 695 s.

References

Bugai, N., comp. *Iosif Stalin – Lavrentiyu Berii: “Ikh nado deportirovat’...”*: dokumenty, fakty, kommentarii [Joseph Stalin to Lavrenty Beria: “They are to be deported”: documents, facts, commentary]. Moscow: Druzhba narodov, 1992. (In Russian)

Ciesielski, S. *Terror na co dzień. Polityka represyina w ZSRR 1945–1953*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015.

Ciesielski, S. *Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich*. Warsaw: Ośrodek Karta, 2002.

Glowacki, A. *Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946)*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1994.

Glowacki, A. *Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1989.

Glowacki, A. *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997.

Gur'yanov, A.E. “Pol'skie spetspereselentsy v Arkhangel'skoi, Kirovskoi oblastyakh i Komi ASSR v 1940–1941 gg.” [Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast, Kirov Oblast and Komi ASSR in 1940–1941]. In *Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Penal servitude and exile in the North of Russia], vol. 1, *Pol'skaya ssylka: sbornik statei* [Polish exile: collected articles], edited by M.N. Suprun, 128–45. St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004. (In Russian)

Ignatova, N.M. “Prinuditel'nyi trud spetspereselentsev kak sistemnyi faktor industrial'nogo osvoeniya severnykh regionov v 1930–1950 gg.” [Forced labor of special settlers as a systemic factor in the industrial development of the northern regions in the 1930s–1950s]. In *Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyi trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat'*: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 28–29 oktyabrya 2011 g. [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economy, politics, memory: materials of the international scientific conference. Moscow, October 28–29, 2011], edited by L.I. Borodkin, S.A. Krasil'nikov, O.V. Khlevnyuk, 433–49. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina”, 2013. (In Russian)

Ignatova, N.M. *Spetspereselentsy v Respublike Komi v 1930–1950-e gody* [Special settlers in the Komi Republic in the 1930s–1950s]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr Ural'skogo otdeleniya RAN, 2009. (In Russian)

Jasiewicz, K. *Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce, 1939–1941*. Warsaw: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2002.

Kendzera, S.E. “Komissiya istorikov Rossii i Pol'shi v kontse XX – nachale XXI veka: sokhranenie traditsii i novye gorizonty” [Commission of historians of Russia and Poland at the end of the 20th – beginning of the 21st century: preservation of traditions and new horizons]. *Slavyanovedenie*, no. 5 (2015): 92–96. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L., and S.I. Starostin. *Polyaki v Vologodskoi oblasti: represii, plen, spetsposelenie (1937–1953 gg.)* [Poles in the Vologda region: repression, captivity, special settlement (1937–1953)]. Vologda: Drevnosti Severa, 2014. (In Russian)

Lavrenov, S.Ya., et al., comps. *Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya* [Russian archive: Great Patriotic War]. Vol. 14 (3–1), *SSSR i Pol'sha: 1941–1945: k istorii voennogo soyuza*:

dokumenty i materialy [USSR and Poland: 1941–1945: on the history of the military alliance: documents and materials]. Moscow: Terra, 1994. (In Russian)

Materski, W. *Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946)*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu łódzkiego, 1994.

Materski, W. *Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami*. Warsaw: Instytut Pamięci Narodowej, 2009.

Materski, W. *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu łódzkiego, 1997.

Mel'nik, T.F. “Pol'skie osadniki na Pinezh'e, Chernetskie v Pachikhe” [Polish osadniki in Pinega land, the Chernetskys in Pachikha]. In *Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Penal servitude and exile in the North of Russia], vol. 1, *Pol'skaya ssylka: sbornik statei* [Polish exile: collected articles], edited by M.N. Suprun, 200–33. St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004. (In Russian)

Mitin, V.A. “Sud'ba pol'skikh grazhdan, deportirovannykh v Arkhangel'skuyu oblast' v 1940 g.” [The fate of Polish citizens deported to Arkhangelsk Oblast in 1940]. In *Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Penal servitude and exile in the North of Russia], vol. 1, *Pol'skaya ssylka: sbornik statei* [Polish exile: collected articles], edited by M.N. Suprun, 146–54. St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004. (In Russian)

Nakhapetov, B.A. *Ocherki istorii sanitarnoi sluzhby GULAGa* [Essays on the history of the medical service of the GULAG]. Moscow: ROSSPEN, 2009. (In Russian)

Rybarska E., et al., comps. *Deportowani w obwodzie archangielskim. Czesc 7, Alfabetyczny wykaz 7680 obywateli polskich wywiezionych w 1940 roku z obwodu rowieńskiego, tarnopolskiego, stanisławskiego, i drogobyckiego oraz bez ustalonego obwodu wywoски. Indeks represjonowanych*, T. XIV. Warsaw: Osrodek KARTA, 2007.

Saburova, T.S. “Deportirovannye polyaki na Arkhangel'skom Severe (po materialam sledstvennykh del KGB–FSB)” [Deported Poles in the Arkhangelsk North (based on the materials of the KGB–FSB investigative files)]. In *Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Penal servitude and exile in the North of Russia], vol. 1, *Pol'skaya ssylka: sbornik statei* [Polish exile: collected articles], edited by M.N. Suprun, 189–99. St Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004. (In Russian)

Starostin, S.I. “Mass deportations and the system of special settlements in Vologda region in the 1930s–1950s,” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 212–317, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4>

Suprun, M.N. “Polyaki na Russkom Severe v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939–1945): represii, plen, spetsposeleeniya” [Poles in the Russian North during the Second World War (1939–1945): repression, captivity, special settlements]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 2 (34) (2019): 41–58. (In Russian)

Upadyshev, N.V. *GULAG na Arkhangel'skom Severe: 1919–1953 gg.* [GULAG in the Arkhangelsk North: 1919–1953]. Arkhangelsk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, 2004. (In Russian)

Vasil'chenko, T.E. “Deportatsiya pol'skikh grazhdan iz zapadnykh oblastei USSR na Evropeiskii Sever (fevral' 1940 – 22 iyunya 1941 godov)” [Deportation of Polish citizens from the western regions of the Ukrainian SSR and the BSSR to the European North (February 1940 – June 22, 1941)], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2 (2008): 5–8. (In Russian)

Katorga i ssylka na Severe Rossii. Materialy i issledovaniya [Penal servitude and exile in the North of Russia. Materials and research]. 4 vols. Vol. 4. Vasil'chenko, T.E. *Pol'skie grazhdane na Evropeiskom Severe SSSR: ot deportatsii k amnistii i repatriatsii (1939–1946 gg.)* [Polish citizens

in the European North of the USSR: from deportation to amnesty and repatriation (1939–1946)], edited by M.N. Suprun. Arkhangelsk: KIRA, 2010. (In Russian)

Vasil'chenko, T.E. "Pol'skie spetspereselentsy v Arkhangel'skoi oblasti v gody vtoroi mirovoi voiny" [Polish special settlers in Arkhangelsk Oblast during the Second World War]. In *Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Penal servitude and exile in the North of Russia], edited by M.N. Suprun, R.A. Khantalin, and S.O. Shalyapin, vol. 2, 141–55. Arkhangelsk: KIRA, 2006. (In Russian)

Информация об авторе

Михаил Николаевич Супрун – профессор, доктор исторических наук; <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>, suprun.ru@mail.ru, Северный (Арктический) Федеральный Университет имени М.В. Ломоносова (163002 Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, 17).

Алёна Игоревна Герасимова – студентка; <https://orcid.org/0000-0002-2310-7244>, gerasimova.a@edu.narfu.ru, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) Федерального Университета имени М.В. Ломоносова (163002 Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, 17).

Information about the authors

Mikhail N. Suprun – Doctor of Historical Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>, suprun.ru@mail.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, Arkhangelsk, Russia, 163002).

Alena I. Gerasimova – Student; <https://orcid.org/0000-0002-2310-7244>, gerasimova.a@edu.narfu.ru, Higher School of Social Sciences and Humanities and International Communication of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, Arkhangelsk, Russia, 163002).

Заявленный вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: All authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 06.09.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 06.09.2021.